

Сердюк И. Старость в городском населении Левобережной Украины во второй половине XVIII в. (на материалах Румянцевской описи 1765-1769 гг.) / Игорь Сердюк // Историческая демография. Научный журнал. – Москва – Сыктывкар, 2011. – №1 (7). – С.7–12.

Одной из основных демографических характеристик населения является возраст. В исследованиях любого социума применительно к людям используются термины: дети, взрослые, старые. Они обозначают определённый период в жизни человека и при этом имеют биологическую, юридическую, психологическую составляющие, а поэтому трактуются очень неоднозначно. В исторической демографии принято делить население на группы (в том числе за возрастом), чтобы исследовать его структуру или другие характеристики. Условность такого разделения очевидна, но без него невозможно было бы применять существующие сегодня историко-демографические методики¹.

Вместе с тем детство, «взрослость» и старость в украинском раннемодерном обществе с позиций исторической демографии изучены недостаточно. При этом наименее внимания исследователи уделили старости. Это закономерно, поскольку процент пожилых людей в традиционном (демографически молодом обществе) является незначительным. К тому же дети и люди активного возраста демонстрируют более разнообразное демографическое поведение, связанное с миграциями, браком, и прочим. Вероятно, именно из-за этого украинская историография старости ограничивается только некоторыми исследованиями. Одним из них является статья Арнольда Перковского, которая касается долгожителей XVIII в., а также отдельные сюжеты в монографии Юрия Волошина, в которых анализируются возрастные характеристики населения Стародубского полка. Городское население Гетьманщины в таком ракурсе не изучалось².

Мы попытаемся частично заполнить этот сюжет и рассмотрим людей пожилого возраста, которые жили в городах Левобережной Украины во

второй половине XVIII в. Как основной источник используем Генеральную опись Левобережной Украины 1765-1769 гг. – перепись населения и домохозяйств, которая проводилась за указом императрицы Екатерины II. Организацией переписи и проведением её на территории Гетьманщины занималась Вторая Малороссийская Коллегия во главе с её президентом генерал-губернатором Петром Румянцевым³.

Механизм проведения описи, масштабы и содержание, делают её уникальным источником для изучения разных сторон жизни городского населения Левобережья во второй половине XVIII в. 969 книг описи содержат ведомости об 3,5 тыс. населённых пунктов и из жителей⁴. За оценками учёных, опись была самой полной из тех, которые проводились в Гетьманщине⁵. Из больших полковых городов в источнике наилучше представлены Нежин, Переяслав и Стародуб, их население и станет объектом Нашего исследования. Материалы переписи городов составлены из черновики и чистовики. Преимуществом последних, является унификация и сравнительно точная информация, поэтому, именно эту группу мы и будем использовать.

Чистовики переписи Нежина, Переяслава и Стародуба датированные 1766 годом, они находятся в книгах 39, 148а, 278, 341⁶, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве (фонд №57). Они оформлены в виде таблицы на обратной стороне каждого листа и дополнения к ней на обратной стороне следующего листа. С левой стороне каждой таблицы проставлен номер двора, название улицы, дальше – отдельные графы для сооружений: покоев хозяев и прислуги, амбаров, конюшен, сараев.

В графе «чины и имена» указывалась фамилия, имя хозяина двора или главы семьи, его социальный статус. Ниже переписывались жена и дети – сначала мальчики, потом – девочки. Дальше переписывались остальные жители двора. Наиболее часто это были родственники или прислуга. В источнике чётко можно проследить родственные связи жителей двора.

Отдельными графами записаны возраст и состояние здоровья. В лицевой части таблицы зафиксированы права на владение имуществом, каким путём приобретён двор, занятия хозяев и их прибыль. Информация подана чётко, лаконично данные унифицированы, что значительно облегчает их обработку⁷.

Первый момент, который мы рассмотрим – это определение условной границы между активным и пожилым возрастом. С учётом того, что историческая демография разделяет население на пятилетние и десятилетние возрастные группы, такая граница должна совпадать с возрастом кратным пяти или десяти. По мнению Юрия Волошина, в то время представлениям о старости отвечает граница в 60 лет⁸. Оправданность такого выбора, подтверждает ревизия Стародуба 1764 года, в которой население делится на три группы: младше 10 лет, 10-60 лет, старше 60 лет⁹. Вероятно, что последняя группа объединила людей старых, за понятиями того времени. Русский историк Ольга Кошелева, указывая число людей пожилого возраста в населении Петербурга времён Петра I, тоже относила к ним старше 60 лет¹⁰.

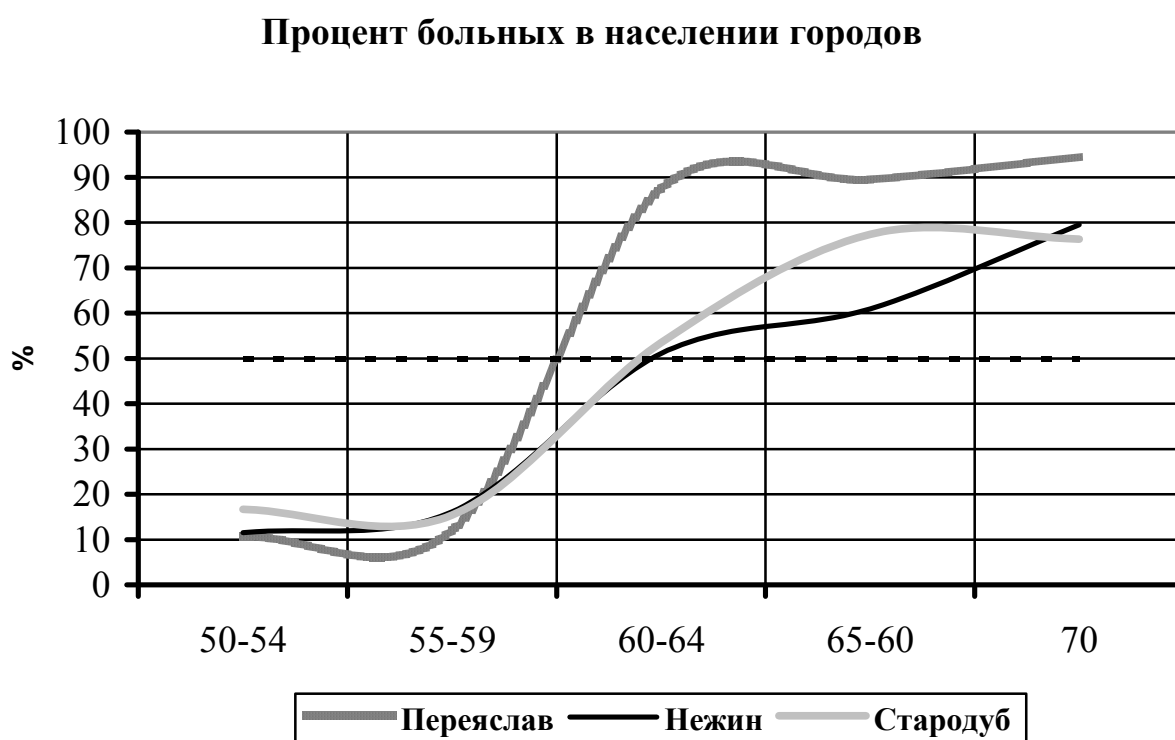
С точки зрения демографии, старость – это возрастной период жизни человека, его заключительная фаза, характер наступления которой обусловлен процессом физиологического старения организма. Это биолого-психологическое явление, возрастные рамки которого довольно условны и меняются в зависимости от социальных представлений и индивидуальных особенностей конкретного индивидуума¹¹.

Основным проявлением физиологического старения организма являются возрастные болезни и «дряхлость». Анализированный нами источник даёт информацию о состоянии абсолютного большинства взятых на учёт людей. Однако, болезни записывались со слов горожан, к тому же писарями, а не медиками. То есть, в источнике отображена устная традиция восприятия болезни в раннемодэрном обществе. Мы думаем, что такие данные позволяют отследить сколько людей определённого возраста считали

себя больными, слабыми, немощными, а значит – и старыми (подчёрк. наше – И. С.).

Для этого, подсчитываем количество таких личностей среди населения возрастом 50 лет и старше, а результаты подсчётов наносим на график (см. рис. 1). Среди жителей городов возрастом 50-59 лет процент больных и слабых составил 10-20%, а больше 80% людей такого возраста назвали себя здоровыми. Однако в следующей возрастной группе (60-64 года) процент больных во всех трёх городах превысил 50% рубеж (его мы нанесли пунктиром).

Рисунок 1

С возрастом процент больных увеличивался, среди населения Нежина и Стародуба он достиг показателя 80%, а в Переяславе вообще достиг максимального значения 94,5% (см. рис. 1).

График иллюстрирует, что, начиная с 60-летнего возраста больше половины жителей городов считали себя больными, это, по нашему мнению, является физиологическим и психологически признаком старости. А также подтверждает правомочность выбора 60-летнего возраста, как границы

между активным возрастом и старостью. Кривая заболеваемости населения Переяслава отличается от кривых Нежина и Стародуба, демонстрируя более высокий процент больных среди людей пожилого возраста. Мы считаем, что это следствие более качественного проведения описи в Переяславе, а значит и более точными указаниями состояния здоровья¹².

Поскольку данные переписи Переяслава считаем наиболее точными, на примере этого города сравним структуру болезней населения активного (50-59) и пожилого (60 лет и старше) возраста. Для этого, все случаи болезней возьмём как 100% и распределим их в соответствии с Международной классификации болезней (МКБ)¹³, адаптированной нами к особенностям определения болезни в источнике. Результаты распределения видны на примере графика, где на оси «Y» указаны группы болезней, а на оси «X» их количество в процентах (см. рис. 2).

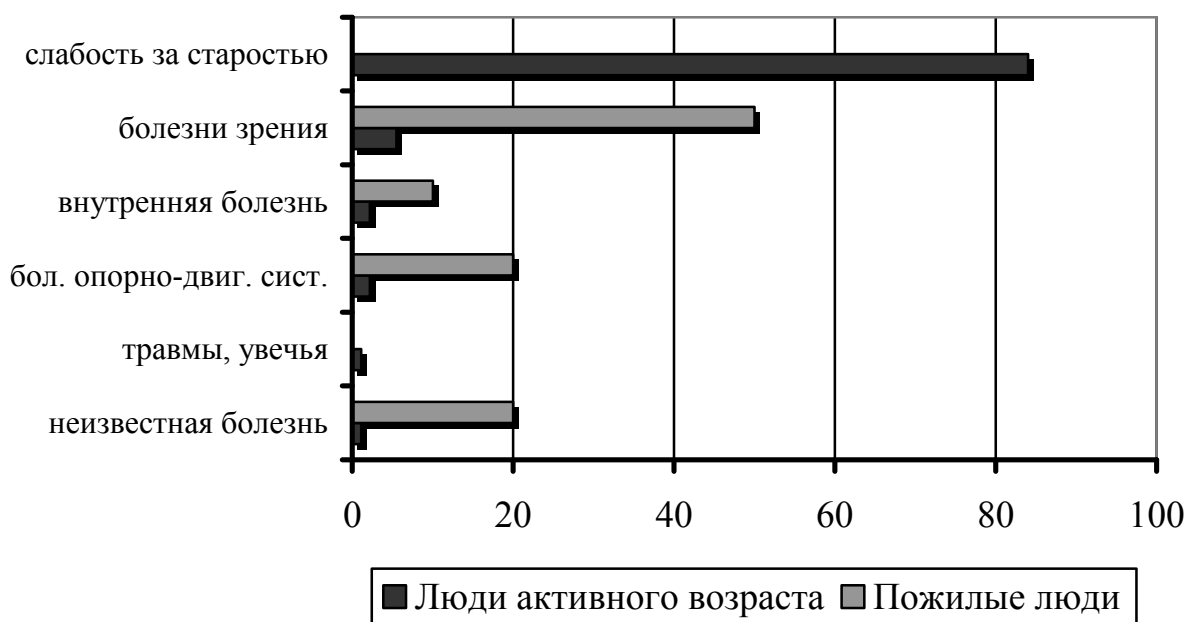
Как показывают подсчёты, абсолютное большинство болезней населения пожилого возраста была связана с возрастом (84 %) В источнике они упомянуты как «по старости слаб». В Переяславе такая формула потреблялась исключительно относительно людей 60-лет и старше. В переписи Стародуба мы встречаем три случая, когда данная формула касалась состояния здоровья личностей младше 60-ти лет, в частности, одному из них было 50 лет¹⁴. Если организаторы переписи в таком случае употребляли унифицированную формулу « по старости слаб», то в описи таких городов, как Нежин и Стародуб иногда встречаем сокращённое «слаб» или «дрякл». Следующая за численностью группа объединяет болезни глаз. В пожилых лиц они составляли 5,5%, а лиц возрастом 50-59 лет – 50% зафиксированных источником случаев (см. рис. 2).

Дальше, за числом случаев, фиксируется „внутренняя болезнь”, которая, вероятно, была связана с болезнями кишечника и желудка. В активных людей 50-59 лет, она представляет 10%, а в лиц преклонного возраста – 2,2% случаев. Такой же процент в последних занимали болезни опорно-двигательной системы, тогда как в лиц возрастом 50-59 лет они

составляли 20% случаев заболеваний. Определённую часть болезней жители городов не смогли диагностировать самостоятельно. Поэтому в источнике встречаем просто констатацию факта болезни «болен», либо «таинственную болезнь одержим». В пожилых людей источник фиксирует только один такой случай (1%), и так же один случай можно связать с травмами или увечьями: «носа нет»¹⁵.

Рисунок 2

Структура болезней населения г. Переяслава (%)

Структура болезней населения возрастом 50-59 лет и лиц старше 60 лет абсолютно не похожа (см. рис. 2), однако, маловероятно, что в действительности разница была такая большая, ведь мы сравниваем не детей и старых, а население соседних возрастных групп. Распределение, вероятно, иллюстрирует отношение к собственному здоровью в связи с возрастом. В пожилых лиц есть основная группа болезней, которой нет в лиц активных – «слабость за старостью». Примечательно, что в эту группу можно зачислить любые болезни, кроме явных увечий. Видим, что если сравнительно молодые люди расстройство здоровья объясняли болезнью, то пожилые – приходом старости. Привлекает внимание соотношение неизвестных болезней – 20% в населения возрастом 50-59 лет и 1% в старших 60-ти лет. Активное

население констатировало болезнь и, вероятно, пыталось диагностировать её (но безуспешно), тогда как в старших людей диагноз был очевиден – старость.

Конечно, что конкретные случаи выходили далеко за рамки обобщенных картин. В описи Стародуба встречаем как семидесятилетнего Миколу Петрачюна который записан как «здоров», так и «слабую за старостью» пятидесятилетнюю Марию Осипову¹⁶. В связи с довольно преклонным (на то время) возрастом Микола мог дожить до смерти не зная тяжелых болезней и при здравом уме, такая смерть считалась легкой и правильной, нею Бог вознаграждает праведных людей:

«Но да(ж)дь добрэ всэм вэрным, я(к) слу(ш)го кончати:

И хр(с)тія(н)ско с(ъ) покаяниемъ вмирати.

І неха(и) при сме(р)ти все буду(т) памятати:

И до ко(н)ца языко(м) ясно глголати...»¹⁷

На момент переписи Микола женился во второй раз, при этом его второй жене было только 23 года. Разница в возрасте между ними была 47 лет. Учитывая минимальный брачный возраст для девушек, разрешённый законодательством, 13 лет, видим, что Микола женился второй раз в возрасте не менее 60 лет, тогда как за историческая демография считает шансны на брак в таком возрасте равными нулю¹⁸. Как пишет русский историк Борис Миронов, общественная мораль того времени брак мужчин, старших за 60 лет, считала чем то неприличным и неестественным¹⁹. В одной из веснянок, записанной в Киевском уезде в XIX в. пелось:

„Ой якъ тяжко-важко каменю та котытыся,

А ще тяжче-важче старому та женытыся.»²⁰

Но Микола женился, и более того, во втором браке имел двух детей: четырёхлетнюю дочку и двулетнего сына, значит сына он зачал в возрасте 67 лет. В его жены это был первый брак и неизвестно чем привлёк её в три раза старший вдовец²¹. За данными Генеральной описи, Микола не был богатым,

не принадлежал к казацкой старшине или городской знати. Он не имел собственной хаты (нанимал её), а на жизнь зарабатывал выпечкой хлеба²².

В реальной жизни, люди выходили за рамки общественных ограничений (это было больше характерно для городского населения). Поэтому браки между пожилыми людьми осуществлялись не смотря на общественные взгляды, более распространёнными были браки с большой разницей в возрасте, когда пожилым был кто-то один с супружеской пары:

«...же беру(т) молоды(х) старые:
а за стары(х) дэдовъ иду(т) жоны молодые»²³.

Хотя считалось, что в таких браках не будет семейного счастья и согласия, особенно, когда старший из супругов станет дряхлым, а младший будет изменять ему, или страдать:

«І блгослове(н)ство бжіе о(т)бэгаеть:
а ненави(ст) и вражда в(ъ) до(м) то(и) ся вселяеть.
Зачи(м) то негды в дому то(м) добра не будеть:
Гды меж собою житии где неровня будеть»²⁴.

Поскольку мы приняли 60-летний возраст как условную границу старости, рассмотрим половозрастную структуру населения пожилого возраста и определим его долю в населении городов вообще. За нашими подсчётами она была относительно небольшой, сравнительно с детьми или людьми активного возраста.

Наименее их было среди жителей Нежина и Переяслава – 4,9 и 5,1% соответственно. В Стародубе их было намного больше – 7%. В Переяславе и Стародубе наблюдаем существенное преимущество женщин (56,8%-58% против 41,2%), которое обусловлено высшей смертностью мужчин. Такое явление было замечено ещё в XVIII в., о чём свидетельствует красноречивое название одного со стихов Климентия Зиновия: „О множествэ жэнь: сирэчь яко болшь на вселе(н)но(и) обрзетається пола женска: неже муже(и)ска”²⁵.

В Нежине, наоборот, наблюдаем незначительное преимущество мужчин: 50,9% против 49,1% лиц женского пола. Такое соотношение

несколько неожиданное, поскольку полово-возрастная структура населения старшего возраста регулируется в первую очередь смертностью. В случае Нежина половая структура была изменена под влиянием активной миграции греков²⁶.

Мы уже констатировали большую продолжительность жизни женщин, она, вместе с разницей в возрасте между супругами²⁷, была причиной того, что абсолютное большинство женщин пожилого возраста были вдовами. Например, в Нежине среди женщин 60-64 лет вдов было 66,2%, в Стародубе – 68,7%, в Переяславе – 76,5. Начиная с 65-летнего возраста 6-7 городских женщин с 10 были вдовами. Среди пожилых мужчин, процент вдовцов был намного ниже, например, в Переяславе он пребывал на уровне 10%. С возрастом число вдовцов возрастало, и с 65 лет каждый четвёртый мужчина Нежина был вдовцом²⁸.

Самыми старыми жителями Переяслава, внесёнными в Генеральную опись, были вдова Параска Ивановна (90 лет)²⁹ и мещанин Сазон Давидов (90 лет)³⁰. Люди такого возраста считались долгожителями. Например, во второй половине XVIII века в деканальных реестрах Правобережной Украины, людей возрастом 89 лет и старше записывали в графу „столетние люди”. Парафияльные священники вели отдельные списки таких прихожан³¹. Интересно, что Сазон в таком возрасте не был вдовцом, его жене Агафии было 85 лет, и она, за данными Генеральной описи была здорова³². Это единственная семейная пара Переяслава в которой обоим супругам было больше 80 лет.

Двум самым старым жителям Нежина тоже исполнилось 90 лет, оба они были больными, за данными источника в 90-летнего казака были бельма на глазах, а мещанин Дмитро Гноевой был за «старостью слаб»³³.

Самыми старыми жителями Стародуба были Григорий Ушинец и его жена Феодора. Григорию, на время описи исполнилось 102 года, Феодоре – 95 лет. Возраст Григория, наверное, был настолько уникальным, что только один раз в трёх городах переписчики кроме числового обозначения дописали

«лететь ему от роду». Логично, что в таком возрасте Григорий был «за старостью слаб», а его жена «слаба». Они жили в хате мужа их внучки Ефросиньи³⁴. Примечательно, что самым старшим жителем трёх городов был мужчина, тогда, как среди людей пожилого возраста больше было женщин.

Вероятно, что дожить до столетнего возраста было тяжело, а иногда он становился мучением и ожиданием смерти. В одном из деканальных реестров Брацлавщины за 1786 год Арнольд Перковский нашёл запись о состоянии здоровья 127-летней Феськи Кривошихи: «очень изнурена, ослепла, смерти просит каждый день»³⁵. Наверное, такими случаями мотивированны зафиксированные этнографами обычаи помощи тяжело больным старым людям, которые были направлены на облегчение предсмертных мучений, а не на выздоровление. Например, лёгкую смерть могло дать возложение на умирающего свадебного рушника, либо вырубание дыры в потолке хаты³⁶.

Даже во второй половине XIX в. этнографам был известен обычай «сажания старых на лубок», который существовал до начала XIX в. на Украине. Старых, немощных и больных людей зимой могли вывезти в яр, оставить в заброшенной, холодной хате, чтобы они замерзли. Обычай демонстрирует отличающееся от современного восприятие старости и смерти в традиционном обществе. Как считает П. Литвинова, оно является не жестоким, а, наоборот, проявлением любви близких и детей к старому человеку, который просит Бога о смерти. При этом замерзание – одна из самых лёгких смертей, а когда тело слабое, изнурённое болезнями и старостью, такая смерть наступает очень быстро³⁷.

Таким образом, наше исследование подтвердило правомочность выбору 60-летнего возраста, как условной границы между активным возрастом и старостью в раннемодерном городском населении Гетьманщины. Начиная с такого возраста большинство людей считали себя больными, слабыми, дряхлыми «за старостью». Конечно, что были случаи, когда пожилые люди сочетались браком, рождали детей, однако такие случаи являлись исключением. Люди старшего возраста составляли наименьшую

часть городского населения, среди них было больше женщин, причём – вдов. Люди, которым исполнилось 90 лет, уже могли считаться долгожителями, однако таковых в трёх городах с общим населением больше 11 тысяч, не набралось и десяти.

Наше исследование не исчерпывает возможности источника, а только начинает исследование проблемы старости в городах Гетьманщины и может продолжаться в направлении определения продолжительности жизни, изучения материального состояния и способов заработка на жизнь старыми людьми, более докладного изучения их здоровья, других важных аспектов.

¹ Описание методик смотри например: Анри Л. Методика анализа в исторической демографии / Л. Анри, А. Блюм; пер. с франц. С. Хока и Ю. Егоровой – М.: РГГУ, 1997. – 207 с.

² Волошин Ю. Государёвы описные малороссийские раскольничьи слободы: XVIII в.: Историко-демографический аспект. – М.: Археодоксия, 2005. – 286 с.; Перковский А. Українське населення в 60–70-х роках XVIII ст. // Український історичний журнал. – 1968. – №1. – С.107–111.

³ Поэтому в исторической литературе источник часто называют «Румянцевская опись».

⁴ Генеральный опис Лівобережної України 1765 – 1769 р.р. Показчик населених пунктів. – К.: Центр. держ. іст. архів УРСР в м. Києві, 1959. – С. 5.

⁵ Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760 – 1830. [Электронный ресурс] / Зенон Когут. – Режим доступа:

<http://litopys.narod.ru/coss5/koh06.htm>

⁶ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАК Украины). – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн.39, Кн. 148а, Кн.278, Кн.341.

⁷ О Румянцевской описи как историко-демографическом источнике больше см.: Сердюк І. Генеральный опис Лівобережної України 1765-1769 р.р.: виміри локальної демографічної історії // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т.19. (у 2-х кн.). Тематичний випуск: „Джерела локальної історії: методи дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація”. Книга І. – К, 2009. – С.407-416.

⁸ Волошин Ю. Указанное соч.

-
- ⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 19349. – Л. 2.
- ¹⁰ Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / Ольга Кошелева. – М.: ОГИ, 2004. – С. 165–173.
- ¹¹ Демографический энциклопедический словарь. / Редкол.: Валентай Д. И. (гл. ред.) и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1985. – С. 444–445.
- ¹² Сердюк І. Румянцевський опис Малоросії... – С. 144–152.
- ¹³ Муромцева Ю.І. Демографія: Навчальний посібник / Ю. І. Муромцева. – К.: Кондор, 2006. – С. 62.
- ¹⁴ ЦГИАК Украины. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 220 об.
- ¹⁵ Там же. – Кн. 278. – Л. 159 об. Запись касается семидесятилетней нищей жительницы госпиталя Воскресенской церкви (Переяслав) вдовы Мотроны Захаровны. Поэтому отсутствие носа могло быть последствием сифилиса.
- ¹⁶ Там же. – Кн. 148а. – Л. 220 об.
- ¹⁷ Зіновіїв К. Вірші. Приповіді посполиті / Климентій Зіновіїв. – К.: „Наукова думка”, 1971. – С.43.
- ¹⁸ В демографии традиционно считается, что после 50 лет человек практически не имеет шансов на брак, в соответствии с этим рассчитываются такие показатели, как коэффициент остаточного безбрачия. См. бол.: Анри Л. Указанное сочинение.
- ¹⁹ Миронов Б. Социальная история России периода империи. (XVIII – нач.XIX в.в.): В 2-х т. 3-е изд. испр., доп. / Борис Миронов. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – 2003. – Т. 1. – С.165.
- ²⁰ Каковский Ю. Игры молодежи въ деревне Леоновке, кievскаго узезда / Юрий Каковский // Киевская старина. – 1892. – №6. – С. 445.
- ²¹ На время брака разница могла быть даже четырёхкратной.
- ²² ЦГИАК Украины. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 462 об.–463.
- ²³ Зіновіїв К. Указанное соч. – С.116.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. – С. 97.
- ²⁶ Большинство мигрантов были мужского пола.
- ²⁷ За нашими подсчётами средняя разница брачного возраста в городах составляла около 3-х лет в пользу мужа.
- ²⁸ Более детально о вдовах и вдовцах в населении Переяслава см.: Сердюк І. Вдівці і вдови у Румянцевському описі Переяслава (історико-демографічний аналіз) / Ігор Сердюк // Краєзнавство. – 2008. – №1–4. – С. 175–181.

²⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 278. – Л. 81 об.

³⁰ Там же. – Л. 124 об.

³¹ Перковський А. Указанное соч. – С. 106–109.

³² ЦГИАК Украины. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 278. – Л. 124 об.

³³ Там же. – Кн. 341 – Л. 12, 40 об.

³⁴ Там же. – Кн. 148а. – Л. 127 об.– 128.

³⁵ Перковський А. Указанное соч. – С. 107

³⁶ В.К. Малорусскіє похоронные обряды и повѣрья. // Киевская старина. – 1890. – №8. – С. 318.

³⁷ Литвинова П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ / П. Литвинова // Киевская старина. – 1885. – №6. – С. 354–356.